

И.Е. Суриков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛАКОНОФИЛЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА 404 Г. ДО Н.Э. В АФИНАХ И ПРАВЛЕНИЯ «ТРИДЦАТИ ТИРАНОВ»

Аннотация: Последние годы V в. до н.э. для Афин были чрезвычайно тяжелым периодом, в полном смысле слова эпохой кризиса, конфликтов и потрясений. Достаточно напомнить, что за восемь лет (411–403 гг. до н.э.) имели место шесть (!) государственных переворотов. Для сравнения, в 507–411 и 403–322 гг. до н.э. таковых в Афинах вообще не было.

В статье рассматриваются некоторые эпизоды, связанные с переворотом 404 г. до н.э. и режимом Тридцати, пришедшим к власти в результате этого переворота. В особенной степени подчеркивается лаконофильский, откровенно проспартанский характер этой олигархии, особенно тех ее представителей, которые принадлежали к экстремистскому крылу, возглавляемому Критием. Автор выдвигает предположение, что Критий и его сторонники пытались скопировать Спарту, насколько это было только возможно. В правящей коллегии было Тридцать членов, как в спартанской герусии; особенно поразительно, что новые власти пытались создать в Аттике некое подобие илотии, при том что роль илотов играли бы лишённые гражданских прав бедняки.

Ключевые слова: Афины, Спарта, «Тридцать тиранов», Пелопоннесская война, перевороты, олигархия, лаконофилы

Abstract: Last years of the fifth century B.C. were in Athens an extremely difficult and unstable time, indeed an epoch of crises, conflicts and disturbances. It will be enough to remind that during eight years (411–403 B.C.) there were six (!) coups d'état. For comparison, in 507–411 and 403–322 B.C. there were no such coups at all in Athens.

The article deals with several episodes connected with the 404 B.C. coup and the regime of the Thirty, which came to power as a result of that coup. Particularly stressed is the Laconophile, manifestly pro-Spartan character of these Athenian oligarchs, especially of those of them who belonged to the extremist wing led by Critias. The author offers a hypothesis that Critias and his supporters tried to copy Sparta as full as possible. There were thirty members in the ruling board, like in Spartan *gerousia*, and – what is particularly striking – the new rulers wished to create a kind of helotage in Attica, with disfranchised poor citizens as helots.

Key words: Athens, Sparta, the “Thirty tyrants”, the Peloponnesian War, coups d'état, oligarchy, Laconophiles

Последние годы V в. до н.э. оказались в Афинах чрезвычайно тяжелыми не только с точки зрения внешнеполитической обстановки (шла Пелопоннесская война), но и в аспекте ситуации внутри полиса. Это было воистину время «кризисов, конфликтов и беспорядков». Достаточно упомянуть, что за какие-нибудь восемь лет (411–403 гг. до н.э.) афиняне стали свидетелями шести (!) государственных переворотов (переворот Четырехсот в 411 г. до н.э.; переворот Пяти тысяч в том же году; восстановление демократии в 410 г. до н.э.; переворот Тридцати в 404 г. до н.э.; отстранение Тридцати и переход власти к

коллегии Десяти в 403 г. до н.э.; новое восстановление демократии в том же году). Особенно резко заметен контраст, если учесть, что до того переворотов в Афинах не было почти век (507–411 гг. до н.э.) и после того – восемьдесят лет (403–322 гг. до н.э.), то есть в целом афинская демократия отличалась стабильностью.

В рамках данной краткой статьи будут рассмотрены лишь несколько эпизодов, связанных с переворотом 404 г. до н.э. и лаконофильским олигархическим режимом Тридцати, установившимся в ходе этого переворота¹. События, о которых пойдет речь, происходили на фоне поражения Афин в Пелопоннесской войне, резко усугубившего внутривосточный кризис и пошатнувшего доверие к демократии в рядах гражданского коллектива².

Согласно одному из условий мирного договора со Спартой, в Афины были должны вернуться политические изгнанники, то есть, разумеется, противники демократии. Возвратился, в числе прочих, такой крупный представитель этого лагеря, как Критий (в 407 г. до н.э. он был изгнан из полиса по инициативе лидера радикальных демократов – демагога Клеофонта³, *Arist. Rhet.* 1375b32), а с ним – и ряд его единомышленников. Резко активизировалась деятельность антидемократических гетерий, причем на сей раз, в отличие от более ранних периодов, они имели мощную поддержку извне в лице Спарты. Лидер радикальной демократии – Клеофонт – был привлечен к суду и казнен. Одним словом, явно шла подготовка почвы для олигархического переворота⁴.

Этот последний произошел тем быстрее, что успеху афинских лаконофилов всячески способствовал всесильный Лисандр. Вскоре после заключения мира, в том же 404 г. до н.э. он прибыл в Афины и

¹ Из специальных работ о правлении Тридцати см.: *Жебелев С.А.* О «тирании тридцати» в Афинах // ВДИ. 1940. № 1. С. 7–33; *Глускина Л.М.* Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии в конце V в. до н.э. // ВДИ. 1958. № 2. С. 70–89; *Никитюк Е.В.* Свержение Тридцати тиранов в Афинах в 403 г. до н.э. и деятельность коллегии полетов // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения. СПб., 2009. С. 352–357; *Roos A.G.* Chronologisches zur Geschichte der Dreißig // *Klio*. 1920. Bd. 17. Ht. 1/2. S. 1–15; *Lewis D.M.* The Epigraphical Evidence for the End of the Thirty // *Aristote et Athènes*. P., 1993. P. 223–229; *Stem R.* The Thirty at Athens in the Summer of 404 // *Phoenix*. 2003. Vol. 57. No. 1/2. P. 18–34; *Wolpert A.* The Violence of the Thirty Tyrants // *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 2006. P. 213–223. Наиболее подробно этот сюжет рассмотрен в монографии: *Krentz P.* The Thirty at Athens. Ithaca, 1982.

² Об общих условиях в Афинах после Пелопоннесской войны см.: *Strauss B.S.* Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy 403–386 B.C. L.; Sydney, 1986; *Spielvogel J.* Wirtschaft und Geld bei Aristophanes: Untersuchungen zu den ökonomischen Bedingungen in Athen im Übergang vom 5. zum 4. Jh. v.Chr. Frankfurt am Main, 2001.

³ О Клеофонте см.: *Vanderpool E.* Kleophon // *Hesperia*. 1952. Vol. 21. No. 2. P. 114–115.

⁴ *Юделевич А.И.* Подготовка олигархии 404 г. (Устранение оппозиции умеренных) // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 25–36.

созвал народное собрание, на котором гневно и резко упрекал граждан в том, что условия мира выполняются недостаточно быстро (в частности, «Длинные стены» еще не были скрыты, как предписывалось договором). Тут-то он и выдвинул требование ликвидации демократии. Экклесия *volens nolens* вынуждена была подчиниться. Выступивший затем умеренный олигарх Ферамен⁵ предложил учредить новый чрезвычайный орган – коллегия из тридцати человек, которой и была бы передана вся полнота власти. Тогда же был сформирован персональный состав коллегии: десять членов были предложены лично Фераменом, десять были «назначенцами» антидемократических гетерий, остальных десять народное собрание избрало голосованием. Только после этого спартанское войско покинуло территорию Аттики.

Известны все члены коллегии Тридцати, поскольку ее полный перечень сохранил современник, свидетель и даже участник событий – Ксенофонт (Hell. II.3.2). Последующая работа исследователей с этим весьма интересным в ряде отношений документом позволила структурировать список, определить, что в новом правительстве были – очевидно, намеренно – на равноправных началах представлены все десять аттических фил.

В результате переворота – происшедшего, заметим, мирным путем, без кровопролития, – у власти оказалась самая жесткая олигархия во всей афинской истории, и ее лидеры не случайно snискали в последующей античной традиции эпитет «Тридцати тиранов». Опираясь на спартанский гарнизон, который был по их просьбе поставлен на Акрополе, а также на кавалерию, в которой в Афинах по традиции служили далеко не самые демократически настроенные граждане, Тридцать начали свое правление. Они назначили новый состав Совета Пятисот и должностных лиц, включая архонтов. Характер режима был ближе даже не столько к олигархии (даже в ее самой крайней и узкой форме), сколько к настоящей корпоративной тирании. Впрочем, эта последняя тенденция в деятельности властвующей коллегии проявилась не сразу, а по мере того, как на первую роль в ней выдвигались

⁵ О Ферамене см., напр.: *Ferguson W.S.* The Constitution of Theramenes // CPh. 1926. Vol. 21. No. 1. P. 72–75; *Stevenson G.H.* The Constitution of Theramenes // JHS. 1936. Vol. 56. P. 49 ff.; *Hatzfeld J.* La fin du régime de Thérámène // REA. 1938. Vol. 40. P. 113–124; *Munro J.* Theramenes against Lysander // CQ. 1938. Vol. 32. No. 1. P. 18 ff.; *Usher S.* Xenophon, Critias and Theramenes // JHS. 1968. Vol. 88. P. 128–135; *Andrewes A.* Lysias and the Theramenes Papyrus // ZPE. 1970. Bd. 6. S. 35–38; *Razzano G., Carla M.* Teramene di Stiria // PP. 1973. Vol. 28. P. 397–425; *Harding Ph.* The Theramenes Myth // Phoenix. 1974. Vol. 28. No. 1. P. 101–111; *Bearzot C.* Teramene tra storia e propaganda // RIL. 1979. Vol. 113. P. 195–219; *eadem.* Per una nuova immagine di Teramene // L'immagine dell'uomo politico: vita pubblica e morale nell'antichità. Milano, 1991. P. 65–87; *McCoy W.J.* The Political Debut of Theramenes // Polis and Polemos: Essays on Politics, War and History in Ancient Greece in Honor of D. Kagan. Claremont, 1997. P. 171–192; *Ungern-Sternberg J., von.* 'Die Revolution frißt ihre eigenen Kinder': Kritias vs. Theramenes // Große Prozesse im antiken Athen. München, 2000. S. 144–156.

нулся Критий⁶ – вначале лишь один из ее влиятельных членов, – а с ним получили преобладание наиболее убежденные олигархилаконофилы.

Вначале же тон в новом правительстве задавал его фактический «отец» – Ферамен. Несомненно, именно с этим связан тот факт, что на первых порах Тридцать, взяв курс на столь популярное в политическом дискурсе тех лет «отеческое государственное устройство»⁷, провели ряд мер, которые были встречены многими гражданами сочувственно. «...Они, первым делом, арестовали и казнили тех, о которых при демократическом строе было известно, что они сикофанты и тягостны добрым гражданам. Совет осудил их на смерть с чувством удовлетворения, да и все прочие граждане ничего не имели против их осуждения, поскольку они сами не были повинны в том же грехе» (Xen. Hell. II.3.12). Ксенофону вторит Аристотель (Ath. pol. 35.2–3), который даже более подробен: «Первое время они проявляли умеренность по отношению к гражданам и делали вид, что стремятся к восстановлению отеческого строя. Они велели убрать... из законов Солона те, которые возбуждали спорные толкования, а также отменили предоставленное судьям право окончательного разрешения спорных вопросов. Этим самым они как будто восстановили государственный строй и делали его свободным от всяких споров... чтобы не было повода для придирок со стороны сикофантов... Так вот с самого начала они держались такого образа действий, устраняли сикофантов и людей, подлаживавшихся в речах своих к народу вопреки его настоящим интересам, аферистов и негодяев, и государство радовалось этому, думая, что они делают это во имя высших интересов».

Но с укреплением позиций Крития и его группировки становилось всё яснее, что радикальным олигархам – точно так же, как и радикальным демагогам – нужны отнюдь не стабильность в обществе, не восстановление мира и порядка в полисе, только что с тяжелейшими потерями вышедшем из затяжного вооруженного конфликта, который к тому же закончился его поражением. Из самого этого поражения Критий и такие, как он, похоже, вынесли только один-единственный урок: демократия вообще никуда не годится, единственный приемлемый строй – лакедемонский, поскольку, живя по его законам, Спарта

⁶ О Критии см., напр.: *Nestle W. Kritias // Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur. 1903. Bd. 11. S. 81–107, 178–199; Wade-Gery H.N. Kritias and Herodes // CQ. 1945. Vol. 39. No. 1/2. P. 19–33; Fuks A. Kritias, Pseudo-Herodes, and Thessaly // Eos. 1956. Vol. 48. Fasc. 2. P. 47–50; Usher S. Op. cit.; Momigliano A. Lebensideale in der Sophistik: Hippias und Kritias // Sophistik. Darmstadt, 1976. S. 465–477; Rosenmeyer T.G. The Family of Critias // AJPh. 1949. Vol. 70. No. 4. P. 404–410; Sutton D. Critias and Atheism // CQ. 1981. Vol. 31. No. 1. P. 33–38; Ungern-Sternberg J., von. Op. cit.; Панченко Д.В. Еврипид или Критий? // ВДИ. 1980. № 1. С. 144–162; он же. Платон и Атлантида. Л., 1990; Фролов Э.Д. Критий, сын Каллесхра, афинянин, – софист и тиран // ВДИ. 2003. № 4. С. 67–89.*

⁷ Об этой идее см.: *Fuks A. The Ancestral Constitution: Four Studies in Athenian Party Politics at the End of the Fifth Century B.C. Westport, 1971; Finley M.I. The Ancestral Constitution. Cambr., 1971.*

выиграла войну, и стало быть, нужно копировать этот строй так близко, как только возможно. Конечно, крайне нелегко (и, по сути, утопично) было в кратчайший срок превратить Афины в Спарту, поскольку два государства уже много веков шли совершенно разными историческими путями; однако афинские законофилы постарались сделать в этом направлении всё, что только могли⁸. Они даже пытались ввести в Аттике подобие илотии!

На этом моменте следует остановиться более подробно, поскольку он пока не освещался в литературе (во всяком случае, в той степени, в какой он того заслуживает). Более того, сам тезис на первый взгляд звучит парадоксально, поэтому нуждается в подкреплении свидетельствами источников. Ксенофонт (Hell. II.3.18) указывает, что Тридцатью был составлен список трех тысяч афинян; только они отныне и должны были составить коллектив полноправных граждан. Новая олигархия, таким образом, пошла по пути сокращения гражданского коллектива даже дальше, чем режим 411 г. до н.э., при котором соответствующая цифра была определена в пять тысяч.

Что особенно интересно, не похоже, что гражданская община «трех тысяч»⁹ была сформирована на основе имущественного ценза, как в «нормальных» олигархиях. Очень небогатый Сократ в этот список вошел¹⁰, а вполне состоятельные люди, такие как Алкивиад, Фрасибул, Анит, не вошли. Очевидно, исходили не из социальных, а из чисто политико-идеологических соображений; за единственный критерий принадлежности к гражданам принималась лояльность режиму. В их число не должны были попасть лица, от которых можно было ожидать актуального или потенциального недовольства, противодействия. Во всём подобном подходе чувствуется твердая рука Крития...

Чрезвычайно важно то, что произошло дальше. «Правители послали лакедемонских солдат и своих приверженцев из числа граждан отобрать оружие у всех афинян, кроме трех тысяч, попавших в список, снести его на Акрополь и сложить в храм» (Xen. Hell. II.3.20). «Они (Тридцать – И.С.) закрыли для лиц, не вошедших в список, доступ в

⁸ В частности, епископальной базиликой на Пниксе был перестроен так, что с него теперь открывался вид не на море, а на сушу, – в высокой степени символический жест. См. об этой перестройке: *Krentz P. The Pnyx in 404/3 B.C. // AJA. 1984. Vol. 88. No. 2. P. 230–231.* Если иногда реконструкцию относят не к периоду правления Тридцати, а ко времени на несколько лет позже, т.е. около 400 г. до н.э. (например: *Hansen M.H. The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987. P. 12–13; idem. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989. P. 143–153*), то это не более чем проявление распространенной тенденции отказывать олигархам вообще в какой-либо позитивной деятельности. Тридцатью были также отменены постановления Эфиальта об Ареопаре: *Hall L.G.H. Ephialtes, the Areopagus and the Thirty // CQ. 1990. Vol. 40. No. 2. P. 319–329.*

⁹ Рассуждения (впрочем, вполне гипотетические) о том, почему было выбрано именно это число, см.: *Brock R. Athenian Oligarchs: The Number Game // JHS. 1989. Vol. 109. P. 160–164.*

¹⁰ *Scholz P. Der Prozeß gegen Sokrates: Ein 'Sünderfall' der athenischen Demokratie? // Große Prozesse im antiken Athen. München, 2000. S. 160.*

город; кроме того они арестовывали и сгоняли этих людей с усадеб вне города, желая завладеть их землею, а также раздать ее своим друзьям. Изгнанники бежали в Пирей, но и там они подвергались той же участи...» (Xen. Hell. II.4.1). Но, с другой стороны, им запрещалось также и удаляться за пределы государства, там их разыскивали, чтобы вернуть (Lys. XII.95; Demosth. XV.22; Iustin. V.9.4). Спартанцы с подачи Лисандра издали специальный указ: «беглецы из Афин должны быть отовсюду возвращены назад, а кто этому воспрепятствует, исключается из союза» (Plut. Lysandr. 27). Справедливости ради нужно сказать, что некоторые полисы, даже издавна дружественные Спарте (прежде всего Фивы)¹¹, демонстративно отказались выполнять это постановление.

Но что означает вся эта совокупность мер? Планировалось создание специального сословия жителей Аттики, которое имело бы следующие характеристики: а) составляло большинство населения (ведь ясно, что «три тысячи» были лишь незначительным меньшинством); б) не пользовалось гражданскими и политическими правами, обезоруживалось; в) при этом не имело право покинуть полис (то есть оказывалось в положении худшем, чем, например, метэки, которым всегда был открыт путь на родину); г) лишалось своих наделов, то есть теряло собственность на землю; д) не допускалось в город, что отрезало ему пути и для торгово-ремесленной активности.

Просто невозможно видеть в этой массе людей что-либо иное, кроме как «заготовку», из которой предстояло делать самых настоящих илотов. Им надлежало жить на хоре, не имея ни прав, ни земли, и под давлением вооруженной силы, очевидно, на кабальных условиях обрабатывать поля «трех тысяч» – этаких доморощенных спартиатов. Ситуация, что и говорить, разительно напоминающая лакедемонскую – за тем принципиальным исключением, что в отличие от древних дорийцев, покоривших юг Пелопоннеса и превративших местных жителей в илотов, «Тридцать» всерьез вознамерились *завоевать собственных сограждан*.

Могли ли приветствовать такую программу не только демократы (будь то радикальные или умеренные), но даже не самые ревностные сторонники невиданной по крайности олигархии? Происходящее должно было произвести ошеломляющий эффект. Впрочем, протестовать оставалось мало кому – во всяком случае, из числа афинян, оставшихся на родине. Сторонники демократического устройства, такие как Фрасибул или близкий к нему Анит (будущий обвинитель Сократа)¹², были подвергнуты изгнанию, их имущество конфисковано.

¹¹ В целом об афино-фиванских отношениях этих лет см.: Buckler J., Beck H. *Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century BC*. Cambr., 2008. P. 33 ff.

¹² Строго говоря, с Анитом ситуация несколько сложнее. Аристотель (Ath. pol. 34.3) относит его (а также Архина) к «умеренным» приверженцам «отеческого государственного устройства», соратникам Ферамена. Однако же Ферамен вошел в состав коллегии Тридцати, а Анит с Архином стали изгнанника-

Изгнанником был объявлен и Алкивиад, который уже не находился на тот момент в Аттике, а впоследствии, как известно, его стараниями Крития и Лисандра просто устранили.

А засевшие в городе «три тысячи», судя по всему, и пикнуть не смели. Они, с одной стороны, дорожили уже тем, что сохранили гражданский статус, который в новых условиях стал привилегированным, и боялись его утратить, поскольку он давал относительную безопасность. С другой стороны, они побаивались и восстановления демократии, поскольку не без оснований полагали, что в таком случае будут сочтены коллаборационистами и разделят ответственность за преступления режима. Поэтому афиняне молчаливо санкционировали все новые злодеяния со стороны правителей.

Злодейств же этих становилось всё больше. Казни, конфискации следовали одна за другой. Над городом нависла атмосфера террора и репрессий. По оценке Аристотеля (*Ath. pol.* 35.3), «за короткое время они (Тридцать – *И.С.*) погубили не менее полутора тысяч человек». Ксенофонт не приводит конкретных цифр, но его общая характеристика еще более впечатляет: Тридцать «ради собственной прибыли убили за восемь месяцев чуть ли не больше афинян, чем всё пелопоннесское войско за десять лет войны» (*Xen. Hell.* II.4.21). Подобные суждения – особенно последнее из них – не могут, разумеется, не содержать в себе сильное риторическое преувеличение¹³. Ясно, что режиму, впоследствии признанному самым одиозным в афинской истории, «задним числом» могли приписывать большее количество жертв, чем было в действительности. Однако в целом не приходится сомневаться, что ради достижения своих утопических целей Критий и его сподвижники готовы были идти на сколь угодно большую кровь. В этом смысле именно Критий, идеократ в чистом виде, может быть в наибольшей степени из всех деятелей античной истории признан предтечей великих идеократов-преступников XX века – Ленина, Гитлера, Мао... Он и только он, а, скажем, не Писистрат или какой-нибудь другой тиран архаического периода.

Впрочем, идеи идеями, но не приходилось забывать и о «хлебе насущном». Казна была пуста после разорительной войны; новых больших доходов в духе фороса не имелось и не ожидалось. А ведь приходилось, помимо прочего, оплачивать услуги спартанского гарнизона на Акрополе.

В связи с этим последовала известная акция против богатых метэков. В источниках она описывается опять же с некоторыми разногласиями. Ксенофонт пишет: «Они (Тридцать – *И.С.*) постановили, что каждый из правителей может арестовать одного метэка, убить его и конфисковать его имущество» (*Xen. Hell.* II.3.21). Соответственно, по-

ми, так что вряд ли правомерно относить их к одной и той же политической группировке.

¹³ Количество жертв афинян в Пелопоннесской войне М. Хансен определяет как 43 тысячи человек (*Hansen M.H. Three Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988. P. 19*), автор этих строк – как 33–35 тысяч человек (*Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 484*).

лучается, что погибших также было 30 (точнее, 29, поскольку Ферамен от подобной прерогативы отказался).

Несколько иначе излагается дело у Лисия (XII.7): «они решили арестовать десять человек (речь идет о метэках – И.С.), в том числе двоих небогатых, для того чтобы иметь возможность остальным восьми сказать в оправдание этой меры, что не из корыстных мотивов произведены эти аресты...» Согласно данному свидетельству, во-первых, число подвергшихся преследованию метэков оказывается втрое меньше. Во-вторых, не говорится о том, что все они обязательно должны были быть казнены; речь идет только об аресте. В-третьих, предполагается некий хитрый ход, который в глазах общественного мнения мог несколько смягчить откровенно аморальный характер этой репрессивной акции.

Сообщение Лисия во всех отношениях вызывает больше доверия. И прежде всего – потому, что он, будучи метэком, тоже стал жертвой в данном инциденте. Был схвачен и казнен его брат Полемарх, а сам будущий оратор сумел в последний момент бежать. Так кому же, как не ему, лучше всех знать обстоятельства дела?

Протест в конце концов раздался изнутри самой правящей коллегии, и возмутителем спокойствия выступил, разумеется, Ферамен. Он прекрасно видел, что в городе творится совсем не то, что хоть в малейшей мере могло бы соответствовать идеалу умеренного «отеческого государственного устройства». Раздражал его, несомненно, и тот факт, что ведущее положение в среде Тридцати как-то незаметно ускользнуло от него и перешло к Критию. Но вряд ли этот личный мотив был ведущим, когда Ферамен начал свои открыто оппозиционные выступления. Хоть враги и дразнили его «Котурном» (то есть, если перевести современным поговорочным выражением, «и вашим, и нашим»), на самом деле его действия никак не напоминали поведение оппортуниста-приспособленца. Совсем наоборот: речь следует вести о нонконформизме. Верный своим «центристским» принципам, Ферамен принимал активное, решающее участие и в антидемократических, и в антиолигархических переворотах, если видел, что существующий строй не удовлетворяет его.

Возможно, Ферамен надеялся, что и на этот раз, как и в 411 г. до н.э. (когда он выступил одним из инициаторов вначале установления олигархии Четырехсот, а потом ее же свержения), у него довольно легко получится дать делу «обратный ход». Но теперь он роковым образом просчитался, что в конечном счете стоило ему жизни. Опытный политик недооценил своего главного оппонента – мертвой хваткой вцепившегося во власть Крития – и вступил с ним в открытый конфликт¹⁴. Вначале они вели споры еще как друзья и единомышленники (Хеп. Нелл. II.3.16), – очевидно, Ферамен считал Крития искренне заблуждающимся относительно целей, которые должно преследовать новое правительство. Но затем их отношения радикально обострились.

¹⁴ Об этом конфликте см.: *Ungern-Sternberg J. von. Op. cit.*

Наиболее подробный рассказ о столкновении двух лидеров Тридцати, оснащенный многочисленными деталями, с приведением довольно длинных речей враждующих политиков, содержится у Ксенофонта (Hell. II.3.15–56). Аристотель в «Афинской политике» (36–37), как обычно, более краток, что в каком-то отношении и лучше, поскольку изложение событий не тонет в мелочах. Удивительной чертой передачи эпизода Аристотелем является то, что он, повествуя о гибели Ферамена, умудряется ни разу не назвать имя Крития (который и вообще не упоминается в трактате о государственном устройстве афинян).

Комбинируя информацию, содержащуюся у античных авторов, ход инцидента можно описать следующим образом. Очевидно, сразу после урезания гражданского коллектива до трех тысяч человек был принят закон, согласно которому любой афинянин, не вошедший в это число, может быть казнен по усмотрению коллегии Тридцати, без суда и следствия (Xen. Hell. II.3.51; Arist. Ath. pol. 37.1). Аристотель считает, что это был фактически закон *ad hominem*, изданный специально для того, чтобы погубить Ферамена, но он явно ошибается.

Ферамен, как член Тридцати, входил, естественно, и в состав «неприкосновенных» трех тысяч, и для расправы над ним его нужно было вначале исключить оттуда, что и сделал Критий. Посредством какой юридической процедуры это было осуществлено – в данном вопросе Ксенофонт и Аристотель расходятся. У первого (Xen. Hell. II.3.51) Критий попросту публично, на заседании Совета, вычеркивает Ферамена из списка («согласно желанию всех тридцати правителей», как он оговаривает) и тут же обрекает его на смерть. А булевтерий при этом окружен вооруженными молодыми людьми, дабы пресечь любое проявление недовольства: ведь не приходится сомневаться, что у Ферамена было немало сторонников.

Согласно же Аристотелю (Ath. pol. 37.1), всё происходит более легитимным образом. Одновременно с законом о возможности внесудебной казни афинян, не входящих в число трех тысяч, принимается второй закон: не могут состоять в этом числе лица, участвовавшие в свержении олигархии 411 г. до н.э. Ферамен, как мы знаем, не только принимал участие в этом перевороте, но и возглавлял его. Два закона в совокупности давали полную «правовую» почву для устранения Ферамена. Как тут не вспомнить известную дискуссию между Периклом и Алкивиадом о сути закона (Xen. Mem. I.2.40–46), в ходе которой сам «афинский олимпиец» запутывается, вынужденный признать, что постановления, принимаемые олигархами или жестоким тираном, могут одновременно быть законом и беззаконием.

Картина, нарисованная в «Афинской политике», впрочем, выглядит слишком «гладкой», чтобы быть истинной. Скорее правдоподобное впечатление производит более «непричесанный» рассказ Ксенофонта, в котором всё колеблется и неясно для последнего момента, победа Крития долго «висит на волоске», и только благодаря выходу на сцену людей с оружием вопрос оказывается решен. К тому же Ксенофонт явно лично был свидетелем событий.

Подводя итоги, заметим: режим, который не только противопоставил себя большинству гражданского коллектива, но и внутри себя не имел единства, никак не мог оказаться прочным и долговечным. Вполне закономерно, что он не продержался и года. Сложные перипетии ликвидации этой олигархии и восстановления демократии могли бы стать предметом специальной статьи, а в рамках данной работы мы не можем на них останавливаться.

Сделаем напоследок лишь еще одно заключительное замечание – в порядке «информации к размышлению». Нам представляется возможным, что сама численность правящей коллегии, учрежденной в ходе переворота 404 г. до н.э. – тридцать человек – не случайна, а глубоко символична, что и она тоже является еще одним свидетельством подчеркнутого лаконофильства лидеров режима. Напомним, что тридцать членов включала в себя спартанская герусия. Геронты входили в состав этого органа на пожизненной основе. Афинские Тридцать, насколько можно судить, уготовили подобную же судьбу и для себя: не предусматривалось никакого механизма смены членов этой коллегии, кроме смерти кого-либо из них. Так, когда был казнен Ферамен, освободившееся место предложили мятежному Фрасибулу, дабы превратить его из оппозиционера в сторонника власти, но тот отказался (Diod. XIV.32.5–6; ср. Iust. V.9.13).

Интересно, что в других греческих полисах, в которых после Пелопоннесской войны установились проспартанские олигархические режимы, правящие коллегии создавались не из 30, а из 10 человек (знаменитые декархии). Как видим, афинские лаконофилы пошли гораздо дальше по пути копирования институтов государства, которое они считали идеалом для подражания.

Литература:

- Глускина А.М.* Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии в конце V в. до н.э. // ВДИ. 1958. № 2. С. 70–89.
- Жебелев С.А.* О «тирании тридцати» в Афинах // ВДИ. 1940. № 1. С. 27–33.
- Никитюк Е.В.* Свержение Тридцати тиранов в Афинах в 403 г. до н.э. и деятельность коллегии полетов // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения. СПб., 2009. С. 352–357.
- Панченко Д.В.* Еврипид или Критий? // ВДИ. 1980. № 1. С. 144–162.
- Панченко Д.В.* Платон и Атлантида. Л., 1990.
- Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006.
- Фролов Э.Д.* Критий, сын Каллесхра, афинянин, – софист и тиран // ВДИ. 2003. № 4. С. 67–89.
- Юделевич А.И.* Подготовка олигархии 404 г. (Устранение оппозиции умеренных) // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 25–36.
- Andrewes A.* Lysias and the Theramenes Papyrus // ZPE. 1970. Bd. 6. S. 35–38.
- Bearzot C.* Teramene tra storia e propaganda // RIL. 1979. Vol. 113. P. 195–219.
- Bearzot C.* Per una nuova immagine di Teramene // L'immagine dell'uomo politico: vita pubblica e morale nell'antichità. Milano, 1991. P. 65–87.
- Brock R.* Athenian Oligarchs: The Number Game // JHS. 1989. Vol. 109. P. 160–164.

- Buckler J., Beck H.* Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century BC. Cambr., 2008.
- Ferguson W.S.* The Constitution of Theramenes // *CIPh.* 1926. Vol. 21. No. 1. P. 72–75.
- Finley M.I.* The Ancestral Constitution. Cambr., 1971.
- Fuks A.* Kritias, Pseudo-Herodes, and Thessaly // *Eos.* 1956. Vol. 48. Fasc. 2. P. 47–50.
- Fuks A.* The Ancestral Constitution: Four Studies in Athenian Party Politics at the End of the Fifth Century B.C. Westport, 1971.
- Hall L.G.H.* Ephialtes, the Areopagus and the Thirty // *CQ.* 1990. Vol. 40. No. 2. P. 319–329.
- Hansen M.H.* The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987.
- Hansen M.H.* Three Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988.
- Hansen M.H.* The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989.
- Harding Ph.* The Theramenes Myth // *Phoenix.* 1974. Vol. 28. No. 1. P. 101–111.
- Hatzfeld J.* La fin du régime de Thérámène // *REA.* 1938. Vol. 40. P. 113–124.
- Krentz P.* The Thirty at Athens. Ithaca, 1982.
- Krentz P.* The Pnyx in 404/3 B.C. // *AJA.* 1984. Vol. 88. No. 2. P. 230–231.
- Lewis D.M.* The Epigraphical Evidence for the End of the Thirty // *Aristote et Athènes.* P., 1993. P. 223–229.
- McCoy W.J.* The Political Debut of Theramenes // *Polis and Polemos: Essays on Politics, War and History in Ancient Greece in Honor of D. Kagan.* Claremont, 1997. P. 171–192.
- Momigliano A.* Lebensideale in der Sophistik: Hippias und Kritias // *Sophistik.* Darmstadt, 1976. S. 465–477.
- Munro J.* Theramenes against Lysander // *CQ.* 1938. Vol. 32. No. 1. P. 18 ff.
- Nestle W.* Kritias // *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur.* 1903. Bd. 11. S. 81–107, 178–199.
- Razzano G., Carla M.* Teramene di Stiria // *Parola del passato.* 1973. Vol. 28. P. 397–425.
- Roos A.G.* Chronologisches zur Geschichte der Dreißig // *Klio.* 1920. Bd. 17. Ht. 1/2. S. 1–15.
- Rosenmeyer T.G.* The Family of Critias // *AJPh.* 1949. Vol. 70. No. 4. P. 404–410.
- Scholz P.* Der Prozeß gegen Sokrates: Ein ‘Sünderfall’ der athenischen Demokratie? // *Große Prozesse im antiken Athen.* München, 2000. S. 157–173.
- Spielvogel J.* Wirtschaft und Geld bei Aristophanes: Untersuchungen zu den ökonomischen Bedingungen in Athen im Übergang vom 5. zum 4. Jh. v.Chr. Frankfurt am Main, 2001.
- Stem R.* The Thirty at Athens in the Summer of 404 // *Phoenix.* 2003. Vol. 57. No. 1/2. P. 18–34.
- Stevenson G.H.* The Constitution of Theramenes // *JHS.* 1936. Vol. 56. P. 49 ff.
- Strauss B.S.* Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy 403–386 B.C. L.; Sydney, 1986.
- Sutton D.* Critias and Atheism // *CQ.* 1981. Vol. 31. No. 1. P. 33–38.
- Ungern-Sternberg J., von.* ‘Die Revolution frißt ihre eignen Kinder’: Kritias vs. Theramenes // *Große Prozesse im antiken Athen.* München, 2000. S. 144–156.
- Usher S.* Xenophon, Critias and Theramenes // *JHS.* 1968. Vol. 88. P. 128–135.
- Vanderpool E.* Kleophon // *Hesperia.* 1952. Vol. 21. No. 2. P. 114–115.
- Wade-Gery H.N.* Kritias and Herodes // *CQ.* 1945. Vol. 39. No. 1/2. P. 19–33.
- Wolpert A.* The Violence of the Thirty Tyrants // *Ancient Tyranny.* Edinburgh, 2006. P. 213–223.